
СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ДУХОВЕНСТВА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЕГО ВО II И III ВѢКАХЪ.

Когда первохристіанскій религіозный энтузіазмъ началъ убавляться и ослабѣвать, когда суровая и будничная жизнь начала предъявлять свои права и требованія, а ожиданія близкаго второго пришествія Христова, которыми преисполнялись сердца первыхъ поколѣній христіанъ не приходили къ осуществленію, тогда нѣкоторые изъ членовъ новой религіи принялись за изученіе тогдашней науки, пришли къ мысли о пользѣ и необходимости сообщенія имѣющихся у нихъ научныхъ свѣдѣній другимъ своимъ собратіямъ и стали открывать нѣкоторое подобіе тѣхъ школъ, какія существовали въ греко-римскомъ мірѣ.

Церковь однакожъ не только не поощряла такихъ затѣй, но даже смотрѣла на нихъ съ явнымъ нерасположеніемъ. Главная причина такого страннаго на первый взглядъ явленія заключалась въ томъ, что она боялась какъ бы такимъ путемъ не повредить чистотѣ Евангелія и не привести въ свою среду мірской — языческой элементъ. Насколько опасенія церкви въ данномъ отношеніи были справедливы—объ этомъ нѣтъ надобности распространяться. Другою очень важною причиною, побуждавшею церковь скептически взирать на профессоровъ, заводившихъ христіанскія школы, и на самыя эти школы, было то, что христіанскія школы любили открывать еретики съ цѣлюю противодѣйствія православію, при чемъ, само по себѣ понятнo, училища эти не могли находить ни малѣйшаго одобренія въ глазахъ церкви. Вотъ напримѣръ, какая была программа изученія св. Писанія въ школахъ маркіонитскихъ, получив-

шихъ свое имя, какъ извѣстно, отъ имени еретика Маркіона: „пророчества опровергають сами себя, потому что не заключаютъ нисколько правды; они несогласны между собою, лживы и противорѣчатъ одно другому“. Учителя этихъ школъ, на взглядъ церкви, были надменными неучами. О нихъ говорили въ кругахъ церковныхъ, что они тщеславились названіемъ „учитель“ и однакожъ „не умѣли доказывать своего ученія“ ¹⁾. Столь же много не привлекательнаго и даже еще болѣе церковь находила въ школахъ артемонитовъ, получившихъ свое названіе отъ монархіанина Артемона. Церковный судъ касательно этихъ школъ прекрасно выражается въ слѣдующемъ интересномъ историческомъ извѣстии современника изучаемаго явленія: „они (артемониты) не обращаютъ вниманія на то, что говоритъ свящ. Писаніе, но неумолимо стараются найти какой-нибудь видъ умозаключенія въ подтвержденіе нечестиваго своего ученія. А когда противопоставляютъ имъ изреченія божественнаго Писанія, то они изслѣдываютъ, какой-бы сдѣлать изъ него видъ силлогизма—соединительный или раздѣлительный. Отлагая въ сторону святое Писаніе, они учатся геометріи: какъ земные говорятъ земное и не знаютъ грядущаго свыше. Нѣкоторые изъ нихъ прилежно занимаются Евклидомъ, удивляются Аристотелю и Теофрасту, а Галена (ученаго медика) едва-ли не боготворять. Что они злоупотребляютъ наукою невѣрныхъ ради подтвержденія еретическаго своего мнѣнія и искажаютъ простую вѣру божественныхъ Писаній хитростями безбожниковъ, и такимъ образомъ дѣлаются не близкими къ вѣрѣ—объ этомъ и говорить нечего. Потому-то, чуждые страха, они наложили свои руки и на божественное Писаніе: надлежало, толковали они, исправить его“, и въ самомъ дѣлѣ, „исправляли его, то есть обезображивали“, замѣчаетъ повѣствователь, и затѣмъ продолжаетъ: „сколь дерзко такое преступленіе, вѣроятно сознають и они сами. Они либо не вѣрятъ, что божественное Писаніе изречено святымъ Духомъ, либо почитаютъ себя мудрѣе святаго Духа,—а что это, какъ не бѣснованіе? Нѣкоторые изъ нихъ даже не сочли достаточнымъ обезображивать Писаніе, но просто отвергли Законъ (пятокнижіе) и (ученіе) пророковъ,

¹⁾ Евсевія. Церк. исторія, V, 13

и прикрываясь именемъ благодати, начали преподавать свое беззаконное и безбожное ученіе и дошли до послѣдней бездны погибели“¹⁾. Горькіе плоды иногда получались даже отъ такихъ учителей, отъ которыхъ церковь имѣла всѣ основанія ожидать совершенно обратнаго. Припомнимъ, напримѣръ, Таціана—апологета. Онъ былъ ученикомъ св. Іустина философа и пока обращался съ этимъ послѣднимъ, являлся представителемъ православныхъ воззрѣній, но вотъ скончался Іустинъ, удостоившись мученичества, и Таціанъ „отпалъ отъ церкви“. Онъ вообразилъ себя „превосходнѣйшимъ учителемъ“ и „образовалъ какую-то свою особую школу“ (*ἵδιον χαρακτήρα διδασκαλείου*). Тогда онъ сталъ распространять разную „хулу“, „баснословилъ о какихъ-то невидимыхъ эонахъ, объявлялъ бракъ развлѣніемъ и отрицалъ спасеніе Адама“²⁾.

Церковь видѣла всѣ подобныя явленія, сокрушалась и конечно относилась къ нимъ съ нерасположеніемъ. А въ результатѣ получалось то, что она не только сама не дѣлала попытокъ заводить у себя школы, но и съ предубѣжденіемъ относилась къ инициаторамъ школьнаго дѣла въ христіанскомъ мірѣ. Писатель первой половины II вѣка, Эрмъ уже жалуется на появленіе въ церкви „лицемѣровъ и учителей неправды, которые не имѣютъ плодовъ правды и въ которыхъ нѣтъ никакого плода истины; они обольщали людей и каждый изъ нихъ училъ сообразуясь съ похотями грѣшныхъ“; церковный писатель замѣчалъ, что за „свое дѣло они могутъ ожидать только одного: наказанія“³⁾.

Среди такихъ историческихъ обстоятельствъ, инициаторы школьнаго дѣла въ христіанскомъ мірѣ, не только не могли разчитывать на прямую поддержку со стороны тогдашней церкви, но и должны были вести свое дѣло среди величайшихъ трудностей. Климентъ александрійскій, извѣстный учитель школы, всю жизнь провелъ въ борьбѣ со взглядами, неблагопріятствовавшими укрѣпленію и развитію христіанскаго училищнаго дѣла. Онъ постоянно сталкивался съ лицами, которые утверждали, что будто „слѣдуетъ зани-

1) Евсевія V, 28 finis.

2) Св. Иринея. Противъ ересей, кн. I, гл. 28.

3) Эрма. Пастырь: видѣн. IX, 19.

маться вещами лишь самыми необходимыми, каковы элементарныя положенія вѣры, и что будтобы ученія внѣшнія (т. е. науки, какія были у язычниковъ), намъ (христіанамъ) чуждыя и не нужныя, слѣдуетъ обходить молчаніемъ, потому что они будтобы будутъ лишь обременять насъ и притомъ совершенно понапрасну и отвлекать насъ къ дѣламъ, не имѣющимъ отношенія къ нашему спасенію“. Иные же, по словамъ Климента выражали мнѣніе, что „философія (подъ понятіе которой тогда подводилась вся наука) проникла въ жизнь людей лишь на горе и на гибель имъ и что она имѣетъ злой корень“. Въ виду такихъ взглядовъ на науку, Клименту приходилось доказывать, что „философія сама по себѣ вовсе не вліяетъ губительно на человѣческую жизнь и что не она причиною возникновенія ложныхъ мнѣній и дурныхъ дѣлъ и что отъ вѣры она не отвлекаетъ насъ, какъ еслибы это были чары какого-либо волшебнаго искусства“¹⁾. Повидимому, устныя и письменныя разъясненія Климентомъ сейчасъ указанныхъ его воззрѣній не имѣли большаго успѣха. По крайней мѣрѣ Оригенъ, извѣстный учитель той же александрійской школы, долженъ былъ начинать сначала защиту пользы и необходимости изученія христіанами языческихъ наукъ и въ особенности философіи. Оригенъ, сдѣлавшись учителемъ, хотѣлъ было довольствоваться изложеніемъ христіанскихъ истинъ, но потомъ увидѣлъ, что этого недостаточно и что необходимо преподавать еще философію. А такъ какъ онъ философіи не изучалъ, то сталъ ходить на уроки тогдашнихъ александрійскихъ философовъ. Но все это не сошло ему даромъ. Его стали порицать за это, какъ за измѣну вѣры. Оригенъ принужденъ былъ защищаться, указывая на примѣры лицъ истинно-православныхъ, которые и сами учились у философовъ и въ христіанской школѣ преподавали философію²⁾. Любопытно, что онъ не счелъ нужнымъ сослаться на примѣръ Климента. По всей вѣроятности репутація этого горячаго любителя философіи была не особенно высока: его авторитетомъ не удобно было защищаться и прикрываться....

1) *Stromat. Lib I, cap. 1 (finis) et cap. 2 (initium)*. Слич. русскій пер. Корсунскаго, стр. 21—23.

2) Евсевія, VI, 19.

Очень интересно узнать, что иногда преподаваніе въ христіанской школѣ приводило къ неожиданно тяжкимъ послѣдствіямъ для преподавателя. О Лукіанѣ, пресвитерѣ Антиохійскомъ, котораго считаютъ основателемъ Антиохійской школы, извѣстно, что онъ въ теченіе болѣе четверти столѣтія, въ правленіе трехъ преемственно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ епископовъ названнаго города, находился внѣ общенія церковнаго, былъ *ἀποστράγγος*, подѣлуемъ ¹⁾. Но почему случилось такъ? Историкъ Адольфъ Гарнакъ предполагаетъ, что въ такомъ положеніи Лукіанъ очутился потому, что онъ былъ „главой школы“ или училища ²⁾, т. е. потому, что онъ рѣшился на такое дѣло, которое не считалось одобрительнымъ. Предположеніе это, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ вѣроятія въ виду того, что исторія лишена возможности отыскать какую-либо другую причину нелегальнаго положенія знаменитаго главы школы. Памятники хранятъ объ этомъ полное молчаніе. Но еще интереснѣе указаніе, что въ разсматриваемое время слово „школа“ вошло въ лексиконъ бранныхъ словъ. Какъ въ наше время, когда хотятъ кого-нибудь опозорить, то именуютъ его нигилистомъ или социалистомъ, такъ въ тѣ отдаленныя вѣка съ такимъ же успѣхомъ въ подлежащихъ случаяхъ пользовались словомъ „школа“. Извѣстный антипапа Ипполитъ, желая въ конецъ опозорить своего недруга Каллиста, римскаго папу, не нашелъ, для этого, другаго болѣе вѣрнаго способа, какъ приписываніе ему основанія школы. То церковное общество, главою котораго былъ Каллистъ и которымъ была церковь Рима, Ипполитъ въ гнѣвѣ и раздраженіи называетъ „школой“ (*διδασκαλείον*) ³⁾, давая тѣмъ разумѣть, что этотъ папа римскій оставилъ и презрѣлъ церковь и вмѣсто нея учредилъ школу, училище. Выходило такимъ образомъ, что завести школу значило отторгнуться отъ церкви, перейти за ея предѣлы.

Изъ предшествующей рѣчи само собою открывается, что шансовъ на развитіе школьнаго дѣла въ разсматриваемое время было очень мало. Церковь отстранялась отъ него, а

¹⁾ Θεοδορίτα. Церк. Исторія, I, 3 (по другимъ 4).

²⁾ Harnack. Die Lehre der zwölf Apostel. S. 136. Leipzig, 1834.

³⁾ Philosophumena, lib. IX, cap. 12, p. 459 et cet.

частныя лица принимали на себя инициативу въ данномъ отношеніи рѣдко и при исключительныхъ условіяхъ ¹⁾).

Но такъ какъ христіанскія школы все-же существовали и во II и III вѣкахъ и много-ли мало-ли, но все же служили къ подготовленію тогдашнихъ христіанъ къ пастырскому служенію, то и обозримъ тѣ школы, которыя такъ или иначе приносили пользу по отношенію къ интеллектуальному состоянію духовенства разсматриваемаго времени.

Простѣйшій типъ христіанскихъ школъ II и III вѣковъ представляютъ обыкновенныя религиозныя собесѣдованія епископовъ какъ съ лицами, обращавшимися къ христіанству, такъ и лицами, вообще желавшими лучше и подробнѣе изучить христіанское ученіе. Собранія подобныхъ слушателей около епископа—а такія собранія дѣло совершенно неосмыслимое—были первыми христіанскими школами, они носили названія *диатрибъ*. Греческое слово *диатрибъ* означаетъ вообще всякое продолжительное обращеніе съ достойнымъ довѣрія лицомъ, въ частности обозначаетъ обращеніе учениковъ около своихъ учителей. Объ одной изъ такихъ диатрибъ, элементарныхъ христіанскихъ школъ, открытой Поликарпомъ епископомъ Смирнскимъ съ удовольствіемъ воспоминаетъ Иринея ліонскій, учившійся у Поликарпа. Иринея въ одномъ письмѣ къ соученику своему Флорину, который тоже учился у Поликарпа, пишетъ: „бывъ еще отрокомъ, я видѣлъ тебя въ Азій у Поликарпа: тогдашнее я помню тверже, чѣмъ недавнее. Я могу вспомнить и мѣсто, гдѣ сидѣлъ я съ котораго велъ бесѣду Поликарпъ; я могу припомнить, откуда онъ входилъ и куда уходилъ,—припомнить самыя двери; я припоминаю, какъ онъ держалъ себя на урокахъ и о чемъ бесѣдовалъ. Я помню, какъ онъ разсказывалъ намъ о своемъ знакомствѣ съ евангелистомъ Іоанномъ и другими самовидцами Господа, какъ онъ передавалъ слова ихъ, я не забылъ его разсказовъ о чудесахъ

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что и въ позднѣйшее время, церковь, въ особенности греко-восточная не принимала на себя попеченій объ устройствѣ христіанскихъ школъ,—говоримъ о такихъ школахъ, которыя могли бы служить образованію будущихъ пастырей церкви. Духовныхъ училищъ греко-восточная церковь не заводила во все время существованія Византійской имперіи: онѣ ей были не нужны и она, повидимому, прекрасно обходилась безъ нихъ.

Христа и Его ученіи. По Божіей милости ко мнѣ, я тогда внимательно слушалъ Поликарпа и записывалъ слова его не на бумагѣ, а въ сердцѣ“¹⁾. Подобныя элементарныя школы, о какихъ рассказываетъ Иринея, открывали не только епископы, но и болѣе образованные изъ простыхъ христіанъ. Очень можетъ быть, что и сами епископы поручали подобнымъ лицамъ дѣло христіанскаго обученія. Такими учредителями діатрибъ не изъ числа епископовъ во II вѣкѣ были: Іустинъ, Таціанъ, Аристидъ. Въ Римѣ около Іустина, а по смерти его около ученика его Таціана, въ Аѳинахъ около Аристида собирались христіанскіе юноши для слушанія христіанскихъ уроковъ, и такимъ образомъ возникали діатрибы подъ руководствомъ свѣтскихъ лицъ изъ христіанъ. Но это еще не были школы въ собственномъ смыслѣ, эта были скорѣе просто катихизическія собесѣдованія. Первая христіанская школа съ опредѣленнымъ учебнымъ характеромъ, съ нѣкоторымъ опредѣленнымъ планомъ преподаванія возникаетъ уже въ III вѣкѣ въ Александріи и главнымъ образомъ при Оригенѣ. Только при Оригенѣ мы встрѣчаемъ раздѣленіе учениковъ на нѣкотораго рода группы и указаніе на болѣе или менѣе широкую программу преподаванія. Устроивъ школу александрійскую, Оригенъ частію по личному желанію, частію по неудовольствіямъ, переходитъ въ Кесарію Палестинскую и открываетъ здѣсь не менѣе знаменитую школу съ замѣчательно широкой программой. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (наприм. патролога Альцога) эта школа имѣла своимъ назначеніемъ готовить образованныхъ богослововъ, слѣдовательно была какъ бы духовной семинаріей III вѣка. Школу Кесарійскую по смерти Оригена реставрируетъ почитатель его пресвитеръ Памфилъ и обогащаетъ ее прекрасной бібліотекой, часть манускриптовъ которой написана была собственной рукой Памфила. (Евсевія, VII, 32). По мнѣнію нѣмецк. церк. историка Неандера, не безъ вліянія Оригена основывается въ концѣ III вѣка и очень извѣстная впоследствии школа Антиохійская. Въ томъ же III вѣкѣ Климентъ Александрійскій, предшественникъ Оригена по учительству въ александрійской школѣ, во время гоненія Септимія Севера, принятый въ качествѣ гостя въ Іеруса-

¹⁾ Евсевія Церк. ист. V, 20.

лимъ, основывается здѣсь школу христіанской науки. Утверждаютъ, что, быть можетъ, еще въ II вѣкѣ возникла и школа Едесская ¹⁾, вполнѣдствіи славная именемъ св. Ефрема Сирина ²⁾.

Изъ числа вышеуказанныхъ школъ съ подробностію оставимся лишь на школъ Александрійской (и по связи съ нею на Кесаріи-палестинской). Въ сущности только о ней мы и имѣемъ сколько-нибудь достаточныя и достовѣрныя свѣдѣнія. Да она и была славнѣе и знаменитѣе всѣхъ другихъ школъ не только этого, но и позднѣйшихъ временъ древней церкви ³⁾.

Кто былъ основателемъ Александрійскаго училища? Самое обычное мнѣніе касательно этого вопроса то, что основателемъ его былъ евангелистъ Маркъ, но мнѣніе это рѣшительно безъ всякаго доказательства. Основаніемъ, на которомъ строятъ свою догадку о происхожденіи этой школы отъ евангелиста Марка, служить прежде всего преданіе о проповѣди Марка въ Египтѣ въ Александріи. Но проповѣдь Марка въ Александріи не есть строго-историческій фактъ: правда о проповѣди Марка упоминаетъ Евсевій, но упоминаетъ не совсѣмъ рѣшительно. Въ своей церковной исторіи онъ выражается такъ: „говорятъ, Маркъ первый былъ посланъ въ Египетъ и проповѣдывалъ тамъ Евангеліе“ ⁴⁾. Отсюда видно, что во времена Евсевія не было уже достовѣрныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о проповѣди Марка въ Египтѣ, то есть, конечно главнымъ образомъ въ Александріи, а были лишь слухи объ этомъ: „говорятъ“. Да если бы и достовѣрно было извѣстно, что Маркъ проповѣдывалъ

¹⁾ Kihn. Die ältesten christlichen Schulen. 1 Theil, S. 9 — 10. Weissenb. 1865.

²⁾ Слѣдуетъ еще замѣтить, что нѣкоторые, и даже многіе изъ христіанъ, сдѣлавшихся потомъ пастырями церкви, получили свое образованіе не въ школахъ христіанскихъ, а въ школахъ общихъ языческихъ, дополняя свое образованіе самостоятельнымъ ознакомленіемъ съ свящ. Писаніемъ и церковной литературою. Таковы были Тертуллианъ, Кипріанъ и друг.

³⁾ О знаменитой Антиохійской школѣ считаемъ болѣе умѣстнымъ сказать вполнѣдствіи. Теперь она только-что начала свою дѣятельность, а раскрылась во всей силѣ она—позднѣе изучаемаго періода времени.

⁴⁾ II, 16.

здѣсь ¹⁾: что же отсюда слѣдуетъ? Неужели то, что Маркъ основалъ александрійское училище? Кроме этого въ доказательство мысли, что Маркъ основатель александрійскаго училища, указываютъ на слова Евсевія, въ которыхъ выражается свидѣтельство о раннемъ появленіи христіанской школы въ Александріи. Вотъ эти слова: „по древнему обычаю тамъ было училище Св. Писанія, и мы слышали, что въ немъ получалось наставленіе отъ людей, свѣдущихъ въ словѣ (т. е. Писаніи) и божественныхъ догматахъ“ ²⁾. Какъ очевидно и это свидѣтельство Евсевія ни чуть не говоритъ о томъ, что Маркъ былъ основатель школы въ Александріи. Ревнителю мысли, что Маркъ былъ основателемъ этой школы, ударяють здѣсь въ особенности на слова: „по древнему преданію тамъ было училище“, слѣдовательно, — заключаютъ, съ самыхъ древнихъ временъ христіанства въ Александріи— съ Марка. Сколько основательности въ подобныхъ заключеніяхъ понятно для каждаго. Правда, блажен. Іеронимъ сейчасъ указавшую мысль Евсевія въ одномъ изъ своихъ сочиненій приводитъ въ такомъ видѣ, что извѣстіе Іеронима собственно и дало возможность создаться мнѣнію объ основаніи школы въ Александріи Маркомъ. Онъ, Іеронимъ, говоритъ: по нѣкоему древнему обычаю, было училище въ Александріи, гдѣ начиная со временъ Марка были церковные учителя—*ecclesiastici doctores* ³⁾. Но Іеронимъ въ настоящемъ случаѣ лишь перефразируетъ слова Евсевія, и потому свидѣтельство Іеронима лишено значенія. Недостатокъ прямыхъ и авторитетныхъ свидѣтельствъ объ основаніи христіанской школы въ Александріи заставляетъ прибѣгать приверженцевъ этого мнѣнія къ различнымъ умозаключеніямъ съ цѣлію утвержденія своего мнѣнія, но и эта попытка не имѣетъ успѣха. Напримѣръ, говорятъ: около 180 года при Пантѣнѣ, первомъ извѣстномъ учителѣ Александрійской школы,

¹⁾ У проф. Болотова есть большая статья, подъ заглавіемъ: „день и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка“. Въ ней онъ даетъ понять, что на основаніи имѣющихся извѣстій нельзя опредѣлить сколько годовъ или по крайней мѣрѣ сколько мѣсяцевъ пробылъ Маркъ въ Александріи. („Христ. чт.“, 1893, томъ II, 337). Къ Александріи можно только приурочивать событіе его смерти.

²⁾ V, 10.

³⁾ Catalog. cap. 36.

это училище становится средоточіемъ и орудіемъ дѣйствій Александрійской церкви, — доказательство, замѣчаютъ, что оно и раньше процвѣтало. Едвали такъ, скажемъ на это: если училище существовало съ давнихъ поръ въ Александріи и даже со времени Марка, то почему нѣтъ никакихъ извѣстій объ его существованіи до 180 года, почему напри- мѣръ Іустинъ философъ, столь старательно изучавшій хри- стианство вездѣ, гдѣ можно было изучить его, оставилъ безъ вниманія лишь эту школу, еслибы она дѣйствительно су- ществовала въ его время, т. е. въ первой половинѣ II вѣка? Да и нѣтъ ни малѣйшей надобности предполагать, что школа существовала издавна, чтобы такимъ образомъ объяснять ея процвѣтаніе при Пантѣнѣ, въ срединѣ II вѣка. Достоинства и таланты Пантѣна въ преподаваніи, искусство, съ которымъ онъ нападалъ на политеизмъ и современную языческую фи- лософію, все это сразу могло возбудить любопытство и вни- маніе со стороны Александрійцевъ, какъ извѣстно, весьма неравнодушныхъ ко всякому явленію, выступавшему изъ обыкновенной колеи, а потому школа могла процвѣтать, какъ скоро начала свое существованіе. Евангелистъ Маркъ могъ- бы быть признанъ основателемъ Александрійской школы развѣ только въ томъ смыслѣ, что онъ, какъ проповѣдникъ новаго ученія въ Александріи, собиралъ около себя слуша- телей, и велъ съ ними бесѣды, но въ такомъ случаѣ всѣ апостолы были основателями школъ въ разныхъ городахъ римской имперіи. А сдѣлалъ ли Маркъ для Александрійской школы что-либо болѣе того—можно прямо отрицать.

Если не Маркъ основатель Александрійской школы, то кто же долженъ быть признанъ такимъ? Определенныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса нѣтъ. Исторія не имѣетъ извѣстій, которыя бы говорили о существованіи ея раньше времени знаменитаго Пантѣна, поэтому можно полагать, что она основана этимъ лицомъ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что школа основана и раньше Пантѣна, но во всякомъ случаѣ, свой опредѣленный характеръ, съ какимъ она извѣстна въ исторіи, она получила только со времени Пантѣна.

Кто бы ни былъ основателемъ Александрійской школы, остается несомнѣннымъ, что школа эта со второй половины II вѣка стяжала почетную извѣстность, служа развитію хри- стианской науки. Что именно церковь Александрійская съ ея

училищемъ стала такимъ замѣчательнымъ мѣстомъ зарожденія и процвѣтанія христіанской науки—это не какая нибудь счастливая случайность. Такой фактъ обуславливался характеромъ интеллектуальнаго состоянія самой Александріи. Для большей ясности представленія о томъ, чѣмъ была тогда Александрія и какимъ образомъ она могла служить возникновенію здѣсь знаменитой школы христіанской—познакомимся съ этою древней столицей Египта, ея характеромъ, жителями, учеными учрежденіями, и ходомъ ея внутренней жизни.

Александрія основана Александромъ Македонскимъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ не было прежде даже простаго селенія. Этотъ Государь основалъ нѣсколько городовъ на Востокѣ, назначеніемъ которыхъ было сблизить цивилизацію греческую съ восточной и служить проводниками греческаго просвѣщенія во весь міръ. Къ числу такихъ городовъ принадлежала и Александрія. — Александръ самъ начерталъ общій планъ города, указавъ, какой онъ долженъ имѣть объемъ, гдѣ должно устроить форумъ и прочее. Первоначальными жителями его сдѣлались насильственно переселенные сюда обитатели близъ лежащаго городка Канобиса. Но главнымъ образомъ Александрія одолжена своимъ устройствомъ династіи Лагидовъ. При нихъ она стала первымъ или вторымъ городомъ въ свѣтѣ по богатству и великолѣпію. Окружность города была не очень велика, она имѣла около трехъ географическихъ миль. Какъ всѣ города, построенные по предварительному плану, Александрія отличалась симметричностью и правильностью расположенія. Двѣ главныхъ улицы пересѣкали городъ, сходясь въ срединѣ его подъ прямымъ угломъ. Обѣ эти улицы во всю свою длину украшены были колоннадами, частію въ видахъ изящества, частію въ видахъ защиты домовъ отъ солнечнаго зноя. Подъ городомъ устроенъ былъ водопроводъ. Близость моря, улицы открытыя для свободнаго движенія вѣтра заставляли забывать его жителей, что они живутъ въ знойной Африкѣ, потому что они не терпѣли жары. Городъ раздѣленъ былъ на 5 кварталовъ, изъ которыхъ каждый назывался какою либо изъ первыхъ буквъ греческаго алфавита, но имѣлъ и другія названія. Повсюду можно было встрѣчать великолѣпныя зданія, открытыя площади, украшенныя художественными

произведениями, пальмовыя рощи, блестящія коллонады, роскошныя храмы. Одинъ древній писатель такъ изображаетъ свои чувства при видѣ этого города: „когда я вступилъ въ ворота, называемыя воротами солнца, то я остановился, какъ оглушенный при видѣ этого изумительнаго города. Никогда глаза мои не испытывали такого удовольствія“. За городомъ на восточной сторонѣ помѣщался ипподромъ и мѣстечко Элевзинъ, славное своими таинствами и веселыми праздниками. Въ числѣ храмовъ въ самомъ городѣ самое первое принадлежало храму Сераписа. На этотъ храмъ потрачено было все искусство и весь блескъ, къ какому только способны были художники Греціи. Самую населенную и роскошную часть города составлялъ такъ называемый Брухіумъ. Въ ней находились дворцы, въ ней же имѣла мѣсто знаменитая александрійская бібліотека и музей, музей—это нѣчто въ родѣ нашихъ академій наукъ, учрежденіе замѣчательно устроенное.

Особенно обращала на себя вниманіе живость, подвижность, кипучесть жителей этого города. Императоръ Адріанъ писалъ во II вѣкѣ: „этотъ городъ очень богатъ и обилень источниками пріобрѣтенія. Здѣсь никто не живетъ праздно. Всѣ искусства здѣсь находятъ людей понимающихъ и занимающихся ими. Здѣсь находятъ себѣ работу и слѣпецъ, и подагрикъ, и хирагрикъ, всѣмъ найдется трудъ“. Жителей Александріи составляли Греки, Египтяне, Иудеи и различные пришельцы. Народъ отличался безпокойнымъ характеромъ, склонностію къ возмущеніямъ и беспорядкамъ. Число жителей города въ цвѣтущее его время, восходило до 800,000, слѣдовательно превосходило число жителей цѣлой Аттики, которая даже въ лучшее свое время насчитывала лишь до 500,000 жителей. Разумѣется, жителями Александріи при этомъ считаются не одни обитатели города, но и его предметей.—Что касается до ученыхъ учрежденій Александріи, каковыми были знаменитая Александрійская бібліотека и Музей, то основаніе ихъ относится ко времени перваго египетскаго царя изъ фамиліи Лаговъ или Лагидовъ, ко времени Птолемея Сотера; послѣдующіе цари изъ той же фамиліи съ ревностію продолжали дѣло, начатое названнымъ царемъ. Въ составъ Александрійской бібліотеки вышла знаменитая бібліотека философа Аристотеля, которая по смерти

его приобретена чрезъ покупку однимъ изъ Птоломеевъ—Лагидовъ. Кромѣ того для царей египетскихъ сдѣлалось правиломъ поручать приобретение книгъ знаменитыхъ писателей купцамъ и морякамъ, которымъ приходилось странствовать по бѣлу свѣту, приобретение для пополненія библіотеки. Во избѣжаніе обмана и подлоговъ при подобномъ способѣ обогащенія библіотеки, въ Александріи жили особые специалисты, на обязанности которыхъ было удостовѣрять и распознавать подлинность или поддѣлку извѣстныхъ сочиненій, поступающихъ въ библіотеку. При самой библіотеки находился штатъ переписчиковъ, которые должны были переписывать рукописи для нея и тѣмъ увеличивать ея сокровища. При такихъ условіяхъ еще при первыхъ Птоломеехъ библіотека заключала въ себѣ до 50,000 томовъ. Впослѣдствіи число томовъ увеличилось до 400,000, такъ что библіотека при Музеѣ не могла вмѣщать въ себѣ всѣхъ книгъ, и потому открыта вторая библіотека при храмѣ Сераписа. Ко времени Юлія Цезаря въ обѣихъ библіотекахъ насчитывалось до 700,000 томовъ. Но библіотека сама по себѣ была бы мертвымъ капиталомъ, еслибы не было рядомъ съ нею устроено еще Музея, этой академіи наукъ въ Александріи. Цѣль Музея состояла въ развитіи науки, въ распространеніи просвѣщенія. Въ Греціи музеями (отъ имени Муза) назывались собранія ученыхъ мужей, а также самыя зданія, въ которыхъ происходили такія собранія. Такъ у философа Платона въ садахъ Академа въ Аѣнахъ былъ устроенъ Музей съ галлереей для ученыхъ собесѣдованій. Тѣмъ же былъ и Музей въ Александріи, только въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ. Музей въ Александріи занималъ часть царскаго дворца въ Брухіумѣ. Къ нему принадлежали въ 1) открытое пространство для прогулокъ (*περίπατος*), 2) крытая галлерей, 3) обширный обѣденный залъ. У Грековъ и Римлянъ свободное пространство для прогулокъ — *περίπατος*, — обыкновенно украшалось аллеями изъ высокихъ деревьевъ. Такъ было и въ Александріи при Музеѣ. Это мѣсто служило для уединенныхъ размышленій лицъ ученыхъ, для обмѣна мыслей между ними въ бесѣдѣ, а иногда для чтенія сочиненій чужихъ или своихъ въ обществѣ своихъ товарищей. Подобной же цѣли въ Александріи служила при музеѣ и крытая галлерей. Такою галлереею обыкновенно поддерживали

колонны, въ ней устроивались удобныя мѣста для ученыхъ занятій; здѣсь происходили диспуты между учеными и здѣсь же позднѣе стали читать лекціи для желающихъ изучать тотъ или другой предметъ. Но вънцѣмъ учрежденій при Музеѣ по красотѣ изяществу и роскоши былъ обѣденный залъ, куда ежедневно собирались ученые для стола. Это было зданіе обширныхъ размѣровъ и замѣчательной архитектуры. Самый музей вѣроятно служилъ мѣстомъ, гдѣ жили александрійскіе ученые. Одинъ древній писатель юмористически сравниваетъ Музей съ корзиной, наполненной курами; въ музей, по его словамъ, сочлены его сберегались и откармливались подобно дорогимъ птицамъ. Здѣсь же въ музей было святилище или храмъ, въ которомъ одинъ изъ ученыхъ отправлялъ должность жреца. Въ музей, кромѣ того, помѣщался зоологическій садъ, стоившій громадныхъ денегъ, а также астрономическая обсерваторія. Содержаніе всѣхъ учрежденій музея и самихъ ученыхъ отнесено было на счетъ государственнаго казначейства. Оно было совершенно обезпеченнымъ. Назначеніе ученыхъ въ члены Музея принадлежало къ прерогативамъ сначала царей египетскихъ, а потомъ римскихъ императоровъ. Въ числѣ членовъ музея встрѣчаемъ—философовъ, поэтовъ, грамматиковъ, литераторовъ, астрономовъ, медиковъ, географовъ, риторовъ. Видно, что при выборѣ въ члены Музея не ограничивались одной или нѣсколькими учеными профессіями, а принимали ученыхъ лицъ всѣхъ профессій. Сначала членами Музея были греческіе ученые, но впоследствии стали принимать и ученыхъ всѣхъ другихъ странъ, если слава о нихъ широко распространялась, такъ что покровители Музея находили полезнымъ призвать ихъ въ число сочленовъ Александрійскаго ученаго общества. Занятія членовъ Музея состояли въ составленіи ученыхъ изслѣдованій, вѣдственности въ чтеніи предъ собраніемъ прочихъ членовъ Музея своихъ или болѣе знаменитыхъ чужихъ сочиненій и въ обсужденіи ихъ достоинствъ. Иногда происходили диспуты по какому либо вопросу и побѣдитель на нихъ получалъ вѣнокъ и денежную награду. Сами цари нерѣдко принимали участіе въ состязаніяхъ между учеными, предлагая отъ себя тѣ или другіе вопросы. Впоследствии Александрійскій Музей изъ чистаго ученаго учрежденія переходитъ въ учебное или лучше ска-

зять ученая часть его пополняется учебною. Говоримъ: въ послѣдствіи Музей становится и учебнымъ учрежденіемъ. Здѣсь стали читать публичныя лекціи по греческой литературѣ, по грамматикѣ, риторикѣ, философій, исторіи, математикѣ, медицинѣ. Множество слушателей стекалось въ Александрію слушать уроки знаменитыхъ преподавателей Музея. Долгое время было самою лучшею рекомендаціею для молодого человѣка, если онъ учился именно въ Александріи. Въ качествѣ лучшаго учебнаго заведенія Музей славился во времена римскихъ императоровъ. Какъ все на свѣтѣ, Музей имѣлъ въ своей исторіи и счастливыя и несчастныя времена. Но несомнѣнно, что въ то время, когда является въ Александріи христіанская школа, въ II и III вѣкѣ, онъ имѣлъ еще большее вліяніе на умы, онъ представлялъ собою еще очень важный факторъ въ дѣлѣ общаго просвѣщенія ¹⁾. Кромѣ этого главнаго ученаго учрежденія въ Александріи—Музея здѣсь было много и другихъ ученыхъ заведеній, основанныхъ императорами или же лицами частными. Вообще Александрія была „центромъ всей тогдашней учености и образованности“ ²⁾.

Понятно, что христіанство утвердившись въ Александріи, для большаго успѣха надъ умами, должно было въ научномъ отношеніи поставить себя въ уровень съ языческою наукою здѣсь. Александрія въ своемъ родѣ была городомъ ученыхъ, пытливость составляла характеръ ея жителей, но интересовались не всѣмъ, а тѣмъ, что имѣло форму научную, философскую. Приверженцы христіанской церкви какъ бы невольно призывались создать въ Александріи свою научную школу. Въ Александріи легче всего было христіанамъ пріобрѣтать то образованіе, которое дѣлало бы ихъ равными съ гордыми своей наукой язычниками. Такъ называемый Музей, ставшій послѣ времени рождества Христа помимо ученаго и учебнымъ заведеніемъ, дѣлалъ легкимъ и доступнымъ для христіанъ самое серьезное образованіе. Знаменитая Александрійская бібліотека давала драгоценныя пособія для самой глубокой борьбы со врагами

¹⁾ Klippel. Das Alexandrinische Museum. S. 25 u. s. w.; 61 u. s. w.; 81 u. s. w.: 212. Parthey. Das Alexand. Museum.

²⁾ Lehmann. Die Katechetenschule zu Alexandria. S. 8.

христіанства. Послѣ этого, что удивительнаго, если въ Александріи зацвѣла христіанская наука, основалась здѣсь научная школа христіанская? Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ историческихъ извѣстій о томъ, при какихъ частныхъ условіяхъ возникла здѣсь школа христіанская. Объ этомъ могутъ быть дѣлаемы только вѣроятныя догадки. Можно полагать, что это случилось очень просто. Въ Александріи конечно нерѣдко бывали случаи обращенія къ христіанству людей эллински образованныхъ, которые принявъ христіанство, хотѣли болѣе подробно и основательно ознакомиться съ принятой ими религіей; для этой цѣли они поручаемы были наставленію лучшихъ, болѣе просвѣщенныхъ изъ христіанъ. Когда число такихъ образованныхъ язычниковъ, обратившихся въ христіанство и желавшихъ болѣе глубокаго знанія христіанства, увеличилось, нашли нужнымъ назначить одно опредѣленное лице изъ христіанъ въ качествѣ руководителя и наставника указанныхъ лицъ. И вотъ являлась школа, училище. Поэтому-то Александрійская школа у древнихъ писателей извѣстна подъ именемъ катихизаторской. Безъ сомнѣнія, къ этимъ указаннымъ лицамъ, врученнымъ для наставленія учителю христіанскому, могли присоединиться и язычники, еще не крещенные, но желавшіе вообще ознакомиться съ истинами нової религіи, или изъ простаго любопытства, или по склонности къ христіанству, а исторія жизни Оригена дѣйствительно свидѣтельствуетъ, что и такія лица приходили въ его школу ¹⁾. Даже еретики, и тѣ имѣли желаніе слушать александрійскихъ ученыхъ катихетовъ, какъ свидѣтельствуетъ опять исторія Оригена ²⁾. И вотъ школа росла и росла. Такъ, весьма естественно могло возникнуть Александрійское христіанское училище, извѣстное съ именемъ катихизаторскаго.

Чтобы представлять себѣ правильно, что такое было александрійское училище, мы должны твердо помнить о слѣдующихъ особенностяхъ этого училища. Для училища вовсе не было отводимо особыхъ специальныхъ корпусовъ, какъ это бываетъ у насъ, преподаваніе происходило въ квартирахъ

¹⁾ Евсевія. Церк. Ист. VI, 3.

²⁾ Тамъ же. VI, 18.

катихетовъ, совершенно запросто ¹⁾. Въ училищѣ, по крайней мѣрѣ въ первое время его существованія, не видно какого либо распредѣленія слушателей на группы или отдѣленія ²⁾. — Слушателями были люди возрастные, увѣреніе же нѣкоторыхъ изслѣдователей, что будто оно назначалось и для дѣтей, не имѣеть основаній ³⁾. На уроки безпрепятственно являлись и женщины ⁴⁾. Учителей всего на всю школу было одинъ и рѣдко двое ⁵⁾. Преподаватель никакого вознагражденія не получалъ.

Послѣ этого общаго взгляда на училище Александрійское, войдемъ въ подробности, что это была за школа и что въ ней дѣлалось?

Училище Александрійское послѣ своего возникновенія сдѣлалось славнымъ и благотворнымъ для науки богословской. Этимъ оно одолжено было своимъ учителямъ, которыми были люди всецѣло преданные своему дѣлу и съ успѣхомъ его ведшіе. О нихъ, этихъ учителяхъ, прежде всего и скажемъ. Исторія этого училища свидѣтельствуеть, какими высокими умственными, нравственными и педагогическими качествами отличались учителя Александрійской школы. Къ сожалѣнію, о первомъ александрійскомъ учителѣ, Пантенѣ, мы знаемъ очень мало. Сохранились только отзывы о педагогической его дѣятельности его учениковъ Климента и затѣмъ—Оригена. Вотъ какой лестный отзывъ дѣлаеть Климентъ александрійскій, долго странствовавшій по бѣду свѣту для отысканія истины, о своемъ почтенномъ учителѣ Пантенѣ: „я остался въ Египтѣ,—говорить онъ о себѣ,—какъ скоро услышалъ его ученіе. Подобно сицилійской пчелѣ,

¹⁾ Во всякомъ случаѣ Музей не былъ и не могъ быть мѣстомъ, гдѣ помѣщалась школа христіанская.

²⁾ В. Преображенскій, а за нимъ и Д. Миртовъ, говоря объ этой школѣ, употребляютъ выраженія: 1, 2 и 3 курсы, студенты такого-то курса, лекціи, 1-го, 2-го курса (Миртовъ. Нравственное ученіе Климента Алекс. стр. XVII—XIX. Петерб., 1990). Но мы не видимъ основанія для такого определеннаго разграниченія.

³⁾ Если Оригенъ учился въ этой школѣ, будучи еще въ возрастѣ дѣтскомъ (Евсевія, VI, 6), то это случай исключительный. Lehmann. S. 73—75.

⁴⁾ Евсевія, VI, 8. Вѣроятно, это происходило по примѣру языческихъ философовъ.

⁵⁾ Тамъ же, VI, 15.

онъ собиралъ на нивѣ св. Писанія цвѣты слова пророковъ и апостоловъ и вливалъ чистую и святую мудрость въ душу слушателей“¹⁾. Климентъ свидѣтельствуетъ, что онъ до глубокой старости живо сохранилъ въ памяти тѣ уроки, какіе онъ слушалъ у достопочтеннаго мужа, т. е. Пантена²⁾. Оригенъ съ своей стороны свидѣтельствуетъ, что онъ въ методѣ преподаванія подражалъ Пантену³⁾, значить: онъ считалъ его образцовымъ наставникомъ.—Климентъ, преемникъ Пантена по учительству въ Александрійской школѣ, проходилъ свою должность съ глубокимъ убѣжденіемъ, что учительство катихета есть призваніе самое возвышенное, отображающее дѣятельность самого Христа, что оно есть призваніе посредничества между Богомъ и людьми. Сочиненія Климента возвѣщаютъ намъ о томъ возвышенномъ духѣ, который руководилъ всею его ученой дѣятельностію. Онъ „требуется, чтобы берущій на себя должность учителя, по совѣсти далъ себѣ напередъ отвѣтъ на вопросы: „свободенъ ли онъ отъ предрасудковъ и честолюбія, не ищетъ ли онъ славы, не стремится ли къ какому либо другому вознагражденію, кромѣ спасенія своихъ слушателей“. Климентъ свидѣтельствуетъ, съ какою заботливостію старался онъ приспосабливать свои уроки къ нравственному и интеллектуальному состоянію своихъ учениковъ. „Кто посвящаетъ себя устному преподаванію, говоритъ онъ, тотъ основываетъ сужденіе о своихъ ученикахъ на опытѣ и разсудительности. Онъ заботливо изучаетъ у своихъ слушателей языкъ, характеръ, нравы и поведеніе, внутреннія движенія, манеры, даже взглядъ и тонъ голоса, чтобы различать каменистую почву и землю плодородную, кто наиболѣе приемлетъ для сѣмени (ученія), и кто болѣе противится, нежели принимаетъ его“⁴⁾. Климентъ желалъ и старался возбудить въ своихъ ученикахъ энергію въ изслѣдованіи истины. Онъ по его словамъ, „не хотѣлъ, чтобы ученики на школьныхъ урокахъ какъ бы прогуливались въ культивированномъ саду, но чтобы они находились здѣсь, какъ въ саду невоздѣланномъ, гдѣ нужно

1) *Stromat.* I, cap. 1. Русскій пер. Корсунскаго, стр. 14.

2) *Евсевія*, кн. V, гл. 11.

3) Тамъ же, кн. VI, гл. 19.—Пантень учительствовалъ въ этой школѣ 30 лѣтъ (по счету Леманна).

4) *Stromat.*, I, cap. 1. Русск. пер. Корсунскаго, стр. 7. 11.

истину искать въ потѣ лица, какъ розу среди тернія“ ¹⁾. Климентъ на урокахъ избѣгалъ всего бьющагося на эффектъ, всего, что могло имѣть лишь минутное впечатлѣніе, а стремился единственно къ истинѣ. Онъ, по собственному признанію, вовсе не заботился о томъ, чтобы разставлены были фразы въ надлежащемъ порядкѣ, какъ женскія наряды. Онъ припоминаетъ прекрасное правило Пифагора, что Музы должно предпочитать спренамъ. Истина, говоритъ онъ, не должна наряжаться и румяниться подобно кокеткѣ. „Приправка не пища, говорилъ онъ еще, рѣчь, которая рассчитана на то, чтобы понравиться, чѣмъ на истинную пользу слушателей—есть дурно изготовленное кушанье. Климентъ вовсе не заботился о томъ, много ли мало ли у него слушателей. Онъ объявлялъ, что „для мудреца достаточно и одного слушателя“ ²⁾. Онъ (Климентъ) отнюдь также не думалъ о матеріальной поживѣ отъ своихъ слушателей. „Награда позора (блуда), говорилъ онъ словами ветхозавѣтнаго пророка, да не внидетъ во святилище“ ³⁾.—Таковъ былъ Климентъ, какъ учитель ⁴⁾, съ такими педагогическими приемами проходилъ онъ свою должность, такіе идеалы истиннаго наставника руководили его занятіями въ школѣ. Но еще выше Пантена и Климента стоитъ великій александрійскій учитель—Оригенъ. „За блестящей звѣздой, какъ Климентъ, поднялась на небѣ церковной науки еще болѣе блестящая звѣзда—это Оригенъ“, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь ⁵⁾. Его неутомимость въ преподаваніи, его неустанныя стремленія все больше и больше расширять кругъ своихъ познаній, чтобы быть достойнымъ наставникомъ, — дѣлають изъ него чудо—учителя. Когда Климентъ во время гоненія при Септиміи Северѣ удалился изъ Александріи, покидая свою должность учителя александрійскаго, и когда никто не вызывался продолжать прерванное имъ дѣло, тогда

¹⁾ Stromat., I, cap. 1. Русск. пер., стр. 13.

²⁾ Stromat., lib I, cap. 10. Русск. перев. стр. 58—61.

³⁾ Stromat., I, cap. 1. Слич. Второзак. 23, 2, а также толкованіе Филона въ русск. переводѣ „Строматовъ“, стр. 12 (въ примѣч.).

⁴⁾ Климентъ былъ преподавателемъ въ изучаемой школѣ отъ 289 г. до 202, до времени гоненія Септимія Севера, когда онъ удался изъ Египта и кажется болѣе не возвращался сюда.

⁵⁾ Lehmann. Diè Katechetenschule zu Alexandria, S. 32.

за это дѣло смѣло берется 18-лѣтній юноша—Оригенъ. Преподавать новую религію въ такое время значило ежеминутно рисковать своею жизнію: мечъ постоянно висѣлъ надъ учителемъ и учениками ¹⁾. Его истинно-аскетическій образъ жизни былъ изумителенъ и привлекалъ къ нему многихъ въ то время, когда философія начала проповѣдывать аскетизмъ, какъ истинное благо человѣка. Оригенъ проводитъ все время въ постѣ, совсѣмъ не пьетъ вина, спитъ такъ мало, какъ возможно, спитъ не въ постели, а просто на землѣ. Онъ буквально исполнялъ заповѣдь Христа не имѣть двухъ одеждъ, онъ не зналъ, что такое обувь и ходилъ босой. Здоровье его подчасъ страдало отъ такихъ неумѣренныхъ подвиговъ, но Оригенъ оставался вѣренъ себѣ. Многие предлагали ему всѣ средства для болѣе удобной жизни, но онъ всегда отказывался ²⁾. Если принимать буквально слова Евсевія, то мы должны будемъ съ изумленіемъ вѣрить, что Оригенъ до того простиралъ свою ревность по школѣ, что принималъ своихъ слушателей не только днемъ, а и ночью ³⁾. Да, когда бы не приходилъ слушатель, Оригенъ вступалъ съ нимъ въ бесѣду, наставляя его, хотя бы пришлось учителю лишиться ночнаго покоя. Оригенъ былъ учитель прямодушный, искренній, откровенный, онъ прямо высказывалъ то, что думалъ, что считалъ полезнымъ для своихъ учениковъ, не стѣняясь никѣмъ и ничѣмъ. „У него, говоритъ Евсевій, (VI, 3) что было на языкѣ, то и на дѣлѣ, а что на дѣлѣ, то и на языкѣ“. Оригена не сердило, не раздражало, если иногда его ученики, обращаясь къ нему съ какими либо вопросами, имѣли въ виду не дѣйствительную личную пользу, а лишь желаніе поиспытать своего учителя. Онъ терпѣливо отвѣчалъ и на такіе вопросы, слѣдуя, какъ онъ говоритъ, примѣру Христа, Которому предлагаемы были вопросы и не изъ желанія знанія, а съ цѣлію искушать Его ⁴⁾. Оригенъ не считалъ для себя позорнымъ, будучи учителемъ, въ тоже время и еще и еще учиться. Онъ же-

¹⁾ Preasensé. Gesch. der drei ersten Jahrhunderte. Deutsche Ausgabe. Theil III, 217. Leipz., 1863.

²⁾ Евсевія. VI, 3.

³⁾ Тамъ же, VI, 8.

⁴⁾ Слова Оригена въ комментаріи на Евангеліе отъ Маттея. (Neander. Allgem. Geschichte d. christl. Religion. B. I, S. 384. Gotha, 1856).

лалъ съ полною славою проходить свою должность. Когда онъ увидаль, что къ нему на уроки стали приходять люди философски образованные, онъ счелъ своимъ долгомъ изучить и философію языческую, чтобы такимъ образомъ еще болѣе привлечь въ свою школу этихъ лучшихъ людей язычества, и только не сталъ носить философскаго плаща, какъ дѣлали нѣкоторые христіане, изучавшіе философію ¹⁾. Съ теченіемъ времени знанія его сдѣлались очень обширны — онъ являлся знатокомъ и свѣтской и церковной науки. Это дѣлало его человѣкомъ исключительнымъ и привлекало къ нему множество слушателей. Но не одно знаніе — составляло силу преподаванія Оригена: къ нему влекло всѣхъ его искусство преподаванія, и вообще его личность. Григорій Нокесарійскій, Чудотворецъ, много и съ одушевленіемъ говоритъ объ этомъ предметѣ. Онъ съ наслажденіемъ рисуетъ намъ самыми живыми красками свои первыя впечатлѣнія на лекціяхъ Оригена. Прибывъ изъ глубины Понтіискіи провинціи въ Кесарію палестинскую, гдѣ впоследствии основалъ новую школу Оригенъ, и имѣя намѣреніе чрезъ нѣсколько дней воротиться назадъ, Григорій такъ же, какъ и сопровождавшій его братъ, какъ будто прикованы были краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ словомъ Оригена. И сколько краснорѣчіе, столько же и нравственное вліяніе внезапно отвлекло ихъ отъ отечества, отъ семьи, отъ изученія юриспруденціи, которая составляла предметъ ихъ научныхъ занятій и которая обѣщала привести ихъ къ почестямъ. Они уступили строгому очарованію, производимому этимъ учителемъ на всѣхъ, кто съ нимъ знакомился. „Любовь къ нему, говоритъ Григорій, какъ стрѣла вонзилась въ сердце, такъ что уже нельзя было вырвать ее, или какъ искра зажигала душу“ ²⁾. Когда Григорій оставилъ школу Оригена, то ему казалось, что его какъ будто-бы изгнали изъ рая. Послѣ этого понятно, почему слава объ Оригенѣ, какъ учитель, разливалась повсюду и школа его переполнялась слушателями и притомъ самыми разнообразными, что возвышало репутацію Оригена. Евсевій не можетъ до-

¹⁾ Евсевія, VI, 19.

²⁾ Рѣчь Григорія къ Оригену, изъ которой заняты эти слова, напечатана въ IV томѣ твореній Оригена по изданію Delague. Appendix, p. 64.

статочно надивиться успѣхамъ Оригена. „О немъ, замѣчаетъ Евсевій, говорили многіе и весьма много“ ¹⁾. По его свидѣтельству „множество оглашаемыхъ вѣрою“ ²⁾ тѣснились вокругъ знаменитаго учителя; „ревностно внимало Оригену, по словамъ тогоже Евсевія, немалое число знаменитѣйшихъ философовъ“, т. е. языческихъ; къ нему стекалось, по увѣренію Евсевія, „безчисленное множество еретиковъ“ ³⁾. На скамью въ школѣ великаго учителя не стыдились садиться въ качествѣ учениковъ даже лица, облеченныя высокимъ церковнымъ авторитетомъ, — разумѣемъ епископовъ. Одинъ изъ епископовъ пріѣзжалъ учиться къ Оригену изъ отдаленнѣйшей Каппадокіи ⁴⁾. Разумѣется не всѣ перечисленные классы слушателей приходили въ школу Оригена съ тѣмъ, чтобы спокойно выслушивать его уроки. Такими не были, напр., языческіе философы и въ особенности еретики. Они заводили споры и состязанія съ Оригеномъ. Этими состязаніями и спорами интересовались весьма многіе. Въслѣдствіе чего составлялись протоколы этихъ диспутовъ; которые потомъ распространялись по всей церкви, наприм. доходили до Рима ⁵⁾. Языческіе философы до такой степени высоко цѣнили Оригена, что преподносили ему свои сочиненія, какъ въ наше время подносятся таковыя высокопоставленнымъ лицамъ, или присылали ему сочиненія съ тѣмъ, чтобы узнать его мнѣнія, выслушать его замѣчанія ⁶⁾.

Чему учили александрійскіе учителя въ своей школѣ, въ какомъ порядкѣ и по какому методу? Кругъ предметовъ преподаванія у нѣкоторыхъ учителей александрійскихъ былъ довольно обширенъ. Больше всего извѣстно, чему именно училъ Оригенъ. Сохранилось два рода свидѣтельствъ. Одни принадлежатъ Евсевію и указываютъ, какъ велось дѣло Оригеномъ въ Александріи, другія принадлежатъ Оригенову ученику, Григорію Неокесарійскому, и сообщаютъ, какъ ве-

¹⁾ VI, 1.

²⁾ VI, 3.

³⁾ VI, 18.

⁴⁾ Евсевія, VI, 26—27.

⁵⁾ Соколова. Очеркъ огласительнаго училища въ Александріи. „Духъ Вѣстникъ“, 1862, сент. кн., стр. 11—12. Слич. Евсевія, VI, 33.

⁶⁾ Евсевія, VI, 19.

лось дѣло въ Кесаріи, гдѣ Оригенъ впоследствии открылъ школу. Извѣстія Евсевія очень коротки и отрывочны, напротивъ извѣстія Григорія подробнѣе и важнѣе. Можно полагать, что въ Кесаріи преподаваніе у Оригена шло болѣе систематично, чѣмъ въ Александріи. Свидѣтельства Григорія о преподаваніи Оригена въ Кесаріи мы имѣемъ право прилагать и къ Александрійской собственно школѣ, потому что безъ сомнѣнія въ общемъ планъ преподаванія былъ одинъ и тотъ же у Оригена и въ Александріи и Кесаріи. По свидѣтельству Евсевія, Оригенъ сначала преподавалъ одно богословіе, а потомъ началъ преподавать и свѣтскія науки, именно онъ дѣлалъ критическую оцѣнку замѣчательнѣйшихъ философскихъ системъ, излагалъ, геометрію и ариѣметику и—прибавляетъ Евсевій—другія науки, такъ называемыя пропедевтическія. Къ числу этихъ пропедевтическихъ наукъ, которыя у древнихъ назывались общимъ именемъ *τὰ ἐγκύκλια* ¹⁾—принадлежали кромѣ упомянутыхъ нами геометріи и ариѣметики, еще риторика, физика и астрономія. Сначала Оригенъ, по Евсевію ²⁾, преподавалъ своимъ слушателямъ одинъ всѣ эти науки и богословіе, а потомъ, когда число его учениковъ слишкомъ увеличилось, низшій курсъ этихъ наукъ онъ поручилъ другу своему Ираклу, себѣ же оставилъ преподаваніе высшихъ знаній. — Болѣе подробностей относительно наукъ, преподававшихся Оригеномъ, какъ мы сказали, находимъ у Григорія Неокесарійскаго въ его прощальной рѣчи, съ которою онъ обращается къ своему учителю, по окончаніи курса наукъ подѣ его руководствомъ. Эта рѣчь обстоятельно знакомитъ насъ съ содержаніемъ Оригенова преподаванія и показываетъ, какое обширное поприще этотъ учитель заставлялъ пробѣгать своихъ учениковъ, чтобы постепенно привести ихъ къ изученію тайнъ христіанскаго ученія. Мы видимъ здѣсь ту мудрую постепенность, съ какою онъ какъ-бы по ступенькамъ лѣстницы велъ своихъ учениковъ отъ низшаго къ высшему, отъ болѣе простыхъ знаній къ глубочайшимъ. Оригенъ начиналъ тщательнымъ изученіемъ почвы, которую долженъ былъ засѣвать и старался распознать ея достоинства и не-

¹⁾ Евсевія, VI, 18.

²⁾ VI, 15.

достатки. Въ простыхъ и дружескихъ бесѣдахъ онъ знакомился съ умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ тѣхъ, кто приходилъ его слушать. „Какъ искусный земледѣлецъ, говорить о немъ Григорій, онъ не останавливался на томъ только, что видимо снаружи и открыто, но взрывалъ почву, чтобы узнать, что она скрывала, а для этого предлагалъ намъ вопросы и проблемы и слушалъ наши отвѣты“. Къ методическому обученію онъ приступалъ только послѣ этого испытанія. И прежде всего онъ старался дать строгое опредѣленіе употребительнѣйшихъ въ школѣ терминовъ, въ томъ убѣжденіи, что такимъ образомъ онъ сократитъ трудъ и избѣжитъ недоразумѣній. Такимъ приемомъ онъ приучалъ ихъ умъ къ строгимъ формамъ здоровой логики. Отъ этой діалектики онъ переходилъ къ наукамъ естественнымъ, математическимъ и астрономіи. А затѣмъ уже обращался къ уясненію началъ морали. Мораль была одною изъ тѣхъ отраслей вѣдѣнія, которымъ Оригенъ посвящалъ много старанія. При изученіи морали онъ указывалъ на лучшія правила, выработанныя философіей, напр. Платономъ, и показывалъ отношеніе ихъ къ христіанской морали и превосходство послѣдней. Отъ изученія морали Оригенъ переходилъ къ изложенію теоретическихъ истинъ, религіозно-философскому знанію. При этомъ прежде всего знакомилъ съ кругомъ истинъ философскихъ, смотря на это дѣло какъ на приготовленіе къ ученію объ истинахъ христіанскихъ. Григорій объ этомъ такъ говоритъ: „Оригенъ желалъ, чтобы ученикъ предавался философіи; наставникъ не оставлялъ безъ вниманія и древнихъ поэтовъ, отвергая совершенно только книги атеистовъ“. Это разсмотрѣніе всей замѣчательнѣйшей древней литературы подъ руководствомъ учителя должно было быть такъ сказать судомъ древняго міра, критическою оцѣнкою его религіи и системъ. „Онъ самъ, говорилъ Григорій, шелъ впереди насъ и велъ насъ за руку. Своимъ опытнымъ взоромъ онъ открывалъ заблужденіе, какъ бы оно ни было тонко, но съ радостію указывалъ на истину, которая могла чрезъ него открыться“. Наконецъ послѣ всего этого, онъ вводилъ своихъ учениковъ въ кругъ наукъ самаго христіанства, знакомилъ съ Св. Писаніемъ ¹⁾. Подъ

¹⁾ Выше было указано уже, что рѣчь Григорія напечатана въ приложеніи къ IV тому твореній Оригена. Vid p. 66. 67. 74. — Значительные

этимъ не должно разумѣть просто объясненія Писанія, по изложеніе вообще истинъ вѣры, какъ они изображены въ Писаніи. Всему этому въ совокупности древніе даютъ одно общее названіе *ἱερῶν λόγῳν* ¹⁾, т. е. богословія. Такое изученіе слова Божія, какъ понятно, было главнымъ предметомъ преподаванія въ школахъ Оригена. Учителя школы, вызываемые тогдашними обстоятельствами, столкновениемъ съ философами, гностиками и другими еретиками поставляли себѣ задачею понять Откровеніе въ его глубинахъ, или какъ они любили выражаться, простую вѣру претворить въ знаніе и такимъ образомъ стать на уровень современныхъ требованій. Оригенъ излагалъ богословіе съ такою силою убѣжденія, что Григорій въ словахъ толкователя пророковъ, т. е. у Оригена, находилъ и признавалъ тотъ же духъ, какой одушевлялъ и самихъ пророковъ ²⁾.

Что касается метода, по которому велось преподаваніе науки, то мы должны быть далеки отъ представленій о какомъ нибудь строго-систематическомъ изложеніи научныхъ знаній, какое имѣетъ мѣсто въ наше время, въ нашихъ школахъ, и какое не имѣетъ приложенія къ Александрійской христіанской школѣ.—Въ этой школѣ нельзя искать какого-либо законмѣрнаго, методичнаго какъ общаго, такъ и религіознаго обученія. Александрійская школа, какъ назначенная по идеѣ лучшихъ ея представителей, быть школой—такъ сказать христіанской философіи, вела свое дѣло приблизительно такъ же, какъ оно велось и въ языческихъ философскихъ школахъ. Въ древности всякая официальность изгнана была изъ преподаванія философіи. Отсюда знаменитѣйшіе учителя философіи въ Греціи довольствовались простыми, свободными собесѣдованіями съ своими учениками, и двѣ знаменитѣйшія греческія школы именно отъ такого способа преподаванія получили и самое свое имя. Такъ Академія—имя, которымъ, какъ извѣстно, обозначалась философская школа Платона, напоминаетъ о садахъ Академа, гдѣ преподавалъ Платонъ, а школа перипатическая своимъ на-

отрывки изъ этой рѣчи можно находить въ русск. переводѣ въ одной статьѣ проф. Пѣвницкаго: „Труды Киев. Дух. Академіи“, 1834, т. I, стр. 368 — 387.

¹⁾ Евсевія, V, 10.

²⁾ Слова Григорія чудотворца въ преждеуказанномъ мѣстѣ. Раг. 74.

именованіемъ даетъ разумѣть объ ученыхъ прогулкахъ Аристотеля съ учениками. Такое же преподаваніе философіи находимъ и у современниковъ Александрійской христіанской школы—неоплатониковъ. Плотинъ, знаменитый представитель неоплатонизма, основываетъ въ Римѣ философскую школу, но что разумѣется подъ этой школой? Эта школа была ничѣмъ другимъ, какъ собраніями, въ которыхъ на ряду съ юношами принимали участіе и зрѣлые мужи. На нихъ бесѣдовали о разныхъ философскихъ предметахъ. Содержаніе бесѣдъ было совершенно случайно. Здѣсь читались комментаріи разныхъ философовъ, какъ платонической, такъ и Аристотелевой школы. И вѣроятно читалось также то, что было особенно замѣчательнаго въ тогдашней литературѣ. Споры и вопросы составляли содержаніе бесѣдъ учителя съ учениками. Только они приурочивались къ извѣстному предмету и тѣмъ достигался нѣкоторый порядокъ преподаванія. Если кто изъ приверженцевъ школы велъ литературную полемику съ кѣмъ либо, то каждое сочиненіе обоихъ оппонентовъ прочитывалось на школьныхъ бесѣдахъ. Понятно, бѣльшая часть бесѣдъ у неоплатониковъ наполнялась рѣчами самого учителя Плотина, который по поводу вопросовъ отъ учениковъ развивалъ и излагалъ свои мысли ¹⁾.—Учителя христіанскіе безъ сомнѣнія оставались болѣе или менѣе вѣрными этой древней и современной имъ практикѣ философскихъ школъ. Александрійская школа приблизительно держалась того же образца ²⁾. Преподаваніе въ ней носило дружескій характеръ собесѣдованій. Теченіе лекціи принаравливалось къ нуждамъ и потребностямъ слушателей, нерѣдко прерывалось вопросами и отвѣтами. Сообщаемыя свѣдѣнія носили хатактеръ болѣе или менѣе фрагментарный, отрывочный и единство лекцій состояло лишь въ томъ, что если онѣ касались истинъ христіанскихъ, то болѣею частію опирались на мѣста изъ Библии и истолкованіе ея было вообще главнымъ предметомъ преподаванія ³⁾.—Школа имѣла свободный открытый характеръ. Въ нее не

¹⁾ Проф. М. Владиславлева. Философія Плотина, основателя неоплатонической школы, стр. 42—43. Спб., 1868.

²⁾ Pressensè. Op. cit., S. 201. Слич. Евсевія, VI 18.

³⁾ Redepenning. Origenes, eine Darstellung seines Lebens. B. I, S. 69. Bonn. 1841.

принуждали ходить учениковъ; да этого и нельзя было дѣлать, когда учениками были люди взрослые и самостоятельные. Учитель не задавалъ имъ уроковъ.

Изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя нами переданы объ Александрійской школѣ, ясно видно, что она существенно (himmelweit) разнилась отъ школъ новѣйшаго и нашего времени ¹⁾. Тѣмъ не менѣе это не препятствуетъ современнымъ ученымъ принимать и именовать ее древнѣйшею духовно-учебною школою. Эти ученые или считаютъ ее вообще „теологическою школою (Gericke), или именуютъ прямо „богословскою семинаріею“ (Lehmann). Особенно выразительно говорить о сущности и назначеніи этой школы третій ученый (Augusti), когда пишетъ: „Александрійское училище скорѣе всего было богословскою семинаріею или философско-богословскимъ факультетомъ“ (т. е. духовной Академіей) ²⁾. Нѣкоторые изъ указанныхъ ученыхъ допускаютъ, что это училище было „заведеніемъ подготовлявшимъ будущихъ катехетовъ и будущихъ пастырей церкви къ ихъ дѣятельности ³⁾. Дѣйствительно, можно предполагать, что на скамьяхъ этого училища сидѣли и учились многіе изъ духовныхъ лицъ III и начала IV вѣка, хотя исторія называетъ по именамъ таковыхъ и не часто ⁴⁾.

Ученый Леманъ, кажется самый новѣйшій писатель по исторіи Александрійской школы, заканчиваетъ свое изслѣдованіе слѣдующими словами: „если мы оглянемся на исторію этой школы, на ея практико-теоретическую дѣятельность, на жизнь ея учителей и знаменитыхъ представителей, на ея заслуги словомъ и перомъ, то должны будемъ согласиться, что эта школа не только въ лѣтописяхъ церковной исторіи, но также и въ исторіи педагогики и въ культурной и всемірной исторіи занимаетъ и всегда будетъ занимать выдающееся мѣсто ⁵⁾.

Какъ высоко было образованіе пастырей церкви разсматриваемаго времени—II и III вѣковъ? Всѣ болѣе значительныя церкви этого времени имѣли по нѣскольку такихъ па-

1) Lehmann, S. 68.

2) Ibidem, 72, 20, 76.

3) Ibidem, S. 76.

4) Евсевія, VI, 30; VI, 3; VII, 14

5) S. 113.

стырей, слава высокаго просвѣщенія которыхъ дошла даже до отдаленнѣйшихъ потомковъ. Начнемъ съ церкви Александрійской. Въ числѣ епископовъ этой церкви встрѣчаемъ лицъ очень образованныхъ. Такими были Иракль и Дюнисиій Александрійскій, принадлежавшіе до своего епископствованія къ числу преподавателей знаменитой Александрійской школы. Послѣдній изъ нихъ отличался особенною широтою воззрѣній, безпристрастно изучилъ какъ сочиненія философовъ, такъ и еретиковъ, за что даже подвергался укорамъ со стороны лицъ ограниченныхъ; онъ оставилъ послѣ себя много сочиненій, но они дошли до насъ лишь въ небольшомъ числѣ. Изъ пресвитеровъ александрійской церкви особенною высотой и блескомъ образованія отличались Оригенъ и Пьерій. Оригенъ, прозванный за свое необычайное ученое трудолюбіе и блестящую образованность „адамантовымъ“, т. е. алмазнымъ, оставилъ послѣ себя 6000 сочиненій, былъ знаменитымъ библіологомъ, экзегетомъ и богословомъ — философомъ. Но о немъ нѣтъ надобности распространяться. Заслуги его для науки извѣстны. Пресвитера Александрійскаго Пьерія Евсевій называетъ самымъ рѣдкимъ человѣкомъ. По словамъ Евсевія онъ былъ извѣстенъ какъ глубокій философъ, основательный экзегетъ и превосходный проповѣдникъ ¹⁾. Въ честь его въ послѣдствіи въ Александріи построена была церковь ²⁾ — значитъ, воздвигнуть своего рода монументъ.—Что касается до антиохійской церкви, то ея пастыри, со стороны образованности, можно сказать конкурировали съ полнымъ успѣхомъ съ пастырями церкви александрійской. Древнѣйшимъ пастыремъ—писателемъ антиохійской церкви былъ Игнатій Богоносецъ; Игнатій, какъ извѣстно, не былъ глубокимъ мыслителемъ, но его сочиненія за то отражаютъ съ необыкновенною яркостью духъ христіанства въ его первоначальной чистотѣ. Онъ писалъ просто, но внушительно. Другой епископъ антиохійской церкви Теофилъ былъ основательно знакомъ съ философіей своего времени и въ качествѣ хри-

---

¹⁾ Евсевія, VII, 32.

²⁾ De-Boor. Neue fragmente aus der Kirchengeschichte des Philippus Sidetes (Texte und Untersuch. von Gebhar. u. Harnack. B. V, Heft 2, S. 167 u. s. w. Leipzig, 1888).

стіанскаго апологета съ энергіею отражалъ нападки образованныхъ язычниковъ на христіанское ученіе. Въ III в. особенно славился въ числѣ епископовъ антиохійскихъ извѣстный Павелъ Самосатскій. Это былъ даровитый, увлекательный проповѣдникъ. Его проповѣди возбуждали необыкновенный энтузіазмъ въ слушателяхъ. Слушатели приходили въ такое восторженное состояніе отъ его проповѣдей, что вскакивали со своихъ мѣстъ, аплодировали и махали ему платками ¹⁾. Павелъ извѣстенъ, какъ церковный пѣнописецъ, по крайней мѣрѣ мы такъ понимаемъ замѣчаніе о немъ одного древняго документа, что Павелъ оставилъ прежнія пѣнописанія и ввелъ новыя. Павелъ воспитанъ былъ на философіи Аристотеля и извѣстенъ какъ искуснѣйшій диалектикъ. Не менѣе трехъ разъ собирався соборъ для разсмотрѣнія его монархіанскаго лжеученія и только на третьемъ соборѣ пастырямъ церкви удалось изобличить еретичество Павла ²⁾. Изъ пресвитеровъ антиохійской церкви выдавались своими способностями, талантомъ и глубокимъ образованіемъ: Дорофей, Лукіанъ и Малхіонъ. Первые двое считаются основателями Антиохійской школы, и слѣдовательно представляли собою выдающихся мужей. Дорофей, по отзыву Евсевія, былъ человекъ ученѣйшій, знакомый съ Библіею въ еврейскомъ подлинникѣ, свѣдущій въ такъ называемыхъ свободныхъ наукахъ (т. е. геометріи, діалектикѣ и пр.), не чуждый греческаго образованія (т. е. знакомый съ греческой литературою) ³⁾. Еще болѣе славился Лукіанъ, человекъ очень ученый въ точномъ смыслѣ слова: какъ учитель школы, онъ оставилъ послѣ себя множество учениковъ, а потому приобрѣлъ общую извѣстность: многіе гордились тѣмъ, что они учились у Лукіана, потому что это

¹⁾ Сколько знаетъ церковная исторія, аплодисменты въ храмъ по адресу ораторовъ впервые появились во время жизни Павла Самосатскаго. Но затѣмъ этотъ обычай нашелъ широкое распространеніе въ церкви IV и V вѣковъ. Второстепенные и суетные духовные витии были въ восторгѣ отъ него. Впрочемъ нужно замѣтить, что и великіе христіанскіе ораторы не только терпѣли его, но до извѣстной степени и защищали его (разумѣемъ Златоуста, Августина). Безъ сомнѣнія обычай этотъ возникъ подъ вліяніемъ языческихъ ораторскихъ турнировъ.

²⁾ Евсевія, VII, 30.

³⁾ Евсевія, VII, 32.

было лучшею рекомендаціею серьезности ихъ образованія; Лукіанъ вновь рецензировалъ св. Писаніе Ветхаго Заѣта на греческомъ языкѣ и его рецензія (изданіе) быстро распространилась въ большей части греческой церкви древняго времени — и до сихъ поръ его трудъ очень внимательно изучается и изслѣдуется наукою. Сообщимъ свѣдѣнія о Малхіонѣ. Малхіонъ, по словамъ Евсевія ¹⁾, былъ мужемъ ученѣйшимъ, онъ былъ начальникомъ софистическаго училища въ Антиохіи, обладалъ несокрушимой діалектикой, благодаря которой онъ успѣлъ раскрыть на антиохійскомъ соборѣ, что ученіе Павла Самосатскаго было лжеученіемъ, изблечивъ этого еретика. Особенно много образованныхъ пастырей было, по свидѣтельству Евсевія, въ Лаодикии, городѣ, принадлежавшемъ къ антиохійскому церковному округу. Объ Анатолиі, епископѣ Лаодикійскомъ, Евсевій пишетъ: „родомъ онъ былъ александріецъ и по своей учености и эллинскому образованію, равно какъ и по философіи занималъ первое мѣсто между извѣстнѣйшими лицами. Такъ какъ онъ въ математикѣ, геометріи, астрономіи, діалектикѣ, философіи и искусствѣ риторическомъ достигъ самой высокой степени, то жители Александріи, по словамъ Евсевія, просили его открыть въ ихъ городѣ школу на Аристотелевыхъ началахъ ²⁾. И другіе епископы лаодикійскіе, по отзыву того же Евсевія, славились своимъ образованіемъ. Такъ, по его словамъ, Феодотъ лаодикійскій занималъ первое мѣсто въ качествѣ врача ³⁾, а Стефанъ лаодикійскій внушалъ къ себѣ уваженіе своими философскими познаніями и разностороннимъ эллинскимъ образованіемъ ⁴⁾.— Церкви южнаго побережья Чернаго моря также насчитывали въ числѣ своихъ пастырей не мало лицъ образован-

¹⁾ Евсевія, VII, 29.

²⁾ Евсевія, VII, 32.

³⁾ Епископъ—врачъ. Спрашивается, что общаго между обязанностию епископа и врача? Этотъ вопросъ прекрасно разработанъ въ книги Навлак'а: Medicinisches aus der ältesten Kirchengeschichte (Texte und Untersuch. V. VIII, Heft 4. Leipz. 1892). Оказывается, что въ видахъ противо-дѣйствія культу Эскулапа представители христіанства усердно занимались врачеваніемъ больныхъ. Съ точки зрѣнія Гарнака хорошо уясняется значеніе христіанскаго института „заклинателей“, института до сихъ поръ остававшегося темнымъ.

⁴⁾ Евсевія, VII, 32.

ныхъ. Между ними видное мѣсто занимаетъ ученикъ Оригена, Григорій чудотворецъ, епископъ неокесарійскій. Онъ былъ извѣстенъ какъ писатель; на его богословскихъ сочиненіяхъ воспитались впослѣдствіи кападокійскіе знаменитые отцы церкви — Василій Великій, Григорій Нисскій и Григорій Богословъ. Въ Каппадокии въ III в. какъ пастырь образованный извѣстенъ былъ Фирмилианъ, епископъ Кесарійскій. Отъ него дошло до насъ очень мало письменныхъ памятниковъ, но во всякомъ случаѣ видно, что онъ былъ человѣкъ съ проницательнымъ взглядомъ: онъ могущественно поражалъ рано обнаруживавшуюся заносчивость римскихъ епископовъ. Изъ „понтійскихъ“ епископовъ почему-то съ особеннымъ одушевленіемъ Евсевій говоритъ о Мелетіи ¹⁾. Вотъ слова Евсевія: „Мелетій былъ таковъ, какимъ только можно описать человѣка совершеннаго во всѣхъ отношеніяхъ, нельзя достойно подивиться силѣ его краснорѣчія. Но быть можетъ скажутъ,—замѣчаетъ Евсевій,—что это у него отъ природы? Однакожь, кто превзойдетъ его въ многостороннемъ знаніи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ? Испытай его только одинъ разъ, и ты скажешь, что во всѣхъ словесныхъ наукахъ онъ человѣкъ самый искусный и самый ученый“. Изъ другихъ восточныхъ церквей—пастырей съ образованнымъ вкусомъ встрѣчаемъ въ Палестинѣ и Финикии. Въ Палестинѣ пользовался извѣстностью Іерусалимскій епископъ Александръ, устроившій прекрасную библіотеку въ св. градѣ, которая много послужила на пользу историку Евсевію. Въ Финикии въ III в. славился образованіемъ Меѳодій, епископъ Тирскій, этотъ строгій, но правдивый критикъ Оригеновыхъ воззрѣній. Менѣе образованныхъ пастырей было на Западѣ, но все же было и тамъ ихъ нѣсколько, и притомъ очень извѣстныхъ. Напомнимъ изъ африканцевъ—Тертулліана и Кипріяна, изъ римлянъ—Климентъ римскаго, антипапу Ипполита, ревностнаго и плодовитаго писателя, епископа Діонисія, который былъ замѣчательнъ удивительно точнымъ раскрытіемъ догмы, окончательно формулированной въ Никей, пресвитера Новаціана, оставившаго послѣ себя нѣсколько сочиненій съ очень зрѣлымъ взглядомъ на религіозные вопросы;—въ Галліи прославился Иринеѣ Лионскій.

¹⁾ Евсевій, тамъ же.

Сейчасъ сдѣланное изчисленіе пастырей церкви II и III вѣковъ показываетъ, что образованныхъ пастырей было довольно въ эти времена, но безъ сомнѣнія еще больше было пастырей малообразованныхъ и совсѣмъ простыхъ. Изъ II вѣка мы знаемъ очень немногихъ образованныхъ пастырей. И это вполне естественно. На первыхъ порахъ въ христіанство обращались лица простыя—съ незначительнымъ образованіемъ; изъ нихъ же, конечно, выбирались и пастыри церкви. По свидѣтельству памятника: *Canones ecclesiastici* во II вѣкѣ могли встрѣчаться епископы лишеныя всякаго образованія: *ἀγράμματος*. У такихъ высота нравственности занимала мѣсто образованности ¹⁾. Одинъ изъ очень выдающихся епископовъ II в. Поликрать Ефесскій—считаетъ себя очень ученымъ епископомъ потому только, что онъ былъ знакомъ съ Св. Писаніемъ. Поликрать съ нѣкоторымъ самовосхваленіемъ говорилъ о себѣ: „я прочиталъ все Св. Писаніе“ и на этомъ утверждалъ авторитетность своего голоса по одному церковному вопросу ²⁾. Съ III в. положеніе дѣла значительно улучшается. Теперь и очень образованные люди нерѣдко переходятъ къ церкви. Поэтому-то пастырей церкви образованныхъ въ III в. встрѣчаемъ не мало. Но и въ это время между епископами небольшихъ городовъ встрѣчаемъ лицъ, которыхъ современникъ называетъ „весьма простыми и даже деревенщиной“ ³⁾. Епископъ Александръ Команскій, напр., былъ угольщикомъ до времени своего посвященія ⁴⁾. Но что говорить о епископахъ второстепенныхъ городовъ, даже епископы столицъ иногда принадлежали къ малообразованному классу людей. Римскаго папу Зефирина современникъ называлъ ⁵⁾ „человѣкомъ невѣжественнымъ (*διώτης*) и безграмотнымъ“. Другой папа III в. Фабіанъ былъ изъ простыхъ крестьянъ ⁶⁾. Папа Каллистъ вышелъ изъ купцовъ. Еще примѣръ. Объ Александрійскомъ епископѣ III-го же вѣка Димитріи одинъ древній коптскій календарь замѣчаетъ: „Ди-

¹⁾ Harnack. Die Quellen der apostolisch. Kirchenordnung. S. 10. Leipzig. 1886.

²⁾ Евсевія, V, 24.

³⁾ Евсевія, VI, 43.

⁴⁾ Творенія Григорія Нисскаго. Перев. Томъ VIII, стр. 170—175.

⁵⁾ Hippolyti. Philosophum., lib. IX, cap. 11.

⁶⁾ Евсевія, VI, 29.

митрій былъ необразованный поселянинъ, не знавшій Св. Писанія“¹⁾). Подобныя лица, переходя къ пастырской и церковно-учительной должности прямо отъ занятій предметами далеко недуховнаго свойства, безъ сомнѣнія, не блистали богословскими знаніями.

Слѣдовательно, говоря вообще процентъ малообразованныхъ пастырей во II в., вѣроятно, бралъ перевѣсъ надъ процентомъ образованныхъ, а въ III в. процентъ тѣхъ и другихъ пастырей, можно думать, оставался въ равновѣсіи.

А. Лебедевъ.

---

¹⁾ Hagnack. Op. citat. S. 10. — У проф. Болотова встрѣчается указаніе, что равѣ того (въ концѣ I в.) на Александрійскомъ престолѣ возсѣдалъ даже „сапожникъ“ (Анніанъ), но никакой нибудь мастеръ, а сапожникъ, который „чинилъ лишь старые сапоги“ (День и годъ ковчины евангел. Марка: „Христ. Чт., 1893, II, 429).